

Д.Э. Гаспарян
КТО УБИЛ ДЖОНА КЕННЕДИ
ИЛИ ЧТО ИЗВЕСТНО ГЛОБАЛЬНОМУ
НАБЛЮДАТЕЛЮ?¹

В представленной ниже статье я попытаюсь рассмотреть некоторые трудности тех философских допущений, которые заложены в традиционном представлении о глобальном наблюдателе, как гаранте определенности и событийной конфигурированности мира. Глобальное наблюдение оказывается несовместимо с фигурой наблюдателя, и как следствие, блокирует возможность определенной конфигурации события. Главный вывод, который я попытаюсь получить, будет состоять в гипотетической констатации бессобытийности и, следовательно, неопределенности мира как целого, равно как неинформированности глобального наблюдателя об истинном положении дел.

In the article below, I shall examine certain difficulties in the philosophical assumptions concerning the traditional notion of the global observer as the guarantor of the determinability and configuration of events in the world. As I will show, global observation shall turn out to be incompatible with the figure of the observer, blocking, as a result, the opportunity of a determinable configuration of events. My primary aim is the hypothetical statement of eventlessness and, consequently, the indefiniteness of the world as a whole, on par with the uninformedness of the global observer regarding the true state of affairs.

Ключевые слова: событие, истина, глобальный наблюдатель, глобальное наблюдение, локальный наблюдатель, локальное наблюдение.

---

¹ В данной научной статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта по гранту РГНФ "Концептологический анализ "возвращения к трансцендентному" в современной европейской философии" (2013-2015, № 13-03-00573).

Keywords: global observer, global observation, ultimate observer, ultimate observation, local observer, local observation, limited observer, limited observation, event, the truth.

В темноте все кошки серы, но в полной тьме,
они даже не серы... [3, 8]

Большинство людей согласится с тем, что независимо от того, известно ли нам некое реальное положение дел или неизвестно, оно существует. Например, если Президент США Джон Кеннеди был убит в 1963 году, но до сих пор неизвестно кто именно это сделал, то, несмотря на наше незнание, этот *кто-то* существовал². Переходя на язык метафизики можно сказать, что в то время как мы не знаем, кто был убийцей Кеннеди, мир или, другими словами, *глобальный наблюдатель* это «знает». Или, скажем, если кому-то пришло бы в голову сосчитать поштучно количество виноградин, собранных в провинции Шампань прошлым летом, мы, скорее всего, отговорили бы его от этой затеи. При этом мы руководствовались бы тем, что успех подобного предприятия *практически* недостижим. Но мы также хорошо понимали бы, что хотя число виноградин мо-

---

² Когда моя статья уже была написана, я получила ряд критических замечаний, касающихся неудачности приведенного примера с убийцей Кеннеди. Поводом для возражений послужило то, что виновник этого преступления вполне известен и запечатлен в истории (имеется в виду Ли Харви Освальд). Чтобы ответить на эти вполне резонные возражения, попробую пояснить, чем я руководствовалась в своей иллюстрации. Во-первых, если говорить о родине этой эпохальной трагедии, самой Америке, то в ней по сию пору весьма высок градус недоверия к официальной версии. Как правило, все споры вращаются вокруг того "кто был заказчиком и нанял Освальда?", а также "не был ли он подставной фигурой?". Мой пример отчасти и возник именно по мотивам многочисленных конспирологических теорий, существующих и в наши дни. Кроме того, для американского сознания характерен некий культурный стереотип загадочности этого убийства. Даже если специалисты вполне разобрались в вопросе, коллективное бессознательное до сих пор настроено на образ тайны. Так что в некотором смысле, я попросту следовала этому культурному клише.

жет оказаться принципиально неопределенным для частного наблюдателя, оно абсолютно определено для глобального [9, 108]. Ясно, что в провинции Шампань, в минувшем году, даже если мы этого не знаем, было собрано конкретное и конечное число виноградин — оно не сосчитано локальным наблюдателем, но оно «сосчитано» глобальным. Точно также мы можем не догадываться каково сейчас расположение звезд в определенной точке Вселенной, но убеждены, что эта констелляция вполне конкретна. Мы можем не знать, какая карта в колоде лежит третьей по счету сверху, но уверены, что это вполне определенная карта и т.д. Так мыслится мир в целом — если некоторая часть его фактов (событий) не доопределена или не наблюдаема конечным наблюдателем, мы умозаключаем к тому, что они вполне определены и конкретны независимо от пробелов локального наблюдения. При этом мы исходим из некоторого неявного допущения о протекании глобального наблюдения. Для мира в целом нет ничего неопределенного или неизвестного — он абсолютно прозрачен для самого себя. Довольно сложно допустить, что неопределенность (незнание) может быть распространена за границы локального наблюдения, в противном случае будет утрачен сам смысл определимости (знания). Если никому (в том числе глобальному наблюдателю) неизвестно, кто убийца Кеннеди или каково число виноградин в урожайном году, то бессмысленно говорить и о самом незнании. Осмысленно лишь то заключение о неопределенности (всегда локальной), которое апеллирует к некоторой глобальной определенности. Знать можно то, что, так или иначе, известно, равно как определить можно лишь то, что уже определено. Это связано с тем, что, несмотря на разные «точки зрения», мы полагаем, что истина одна, а мир фиксирован и определен. Если бы мы уже не подразумевали такой ситуации, то, возмож-

но, и не пытались бы привести разнородные данные к одной версии. Но чтобы это оказалось реализуемым, нужно допускать такую систему наблюдения, которая конфигурирует единственно правильное событие [14, 68].

Подобная интуитивная вера, которой проникнуты все наши суждения о мире, обусловлена тем, что в представлении об истине заложена идея о субъекте-наблюдателе, который должен выступать неким трансцендентным гарантом (философским Богом, глобальным наблюдателем, всезнающим субъектом). Это, в свою очередь, связано с тем, что приписывание истинности всегда привязано к некоему событию (или факту), о котором мы говорим как корреляте утверждения, поскольку только утверждение может быть истинным или ложным. Понятие события (факта) влечет за собой представление об истинности или ложности, а представление об истинности или ложности немислимо без события.

Таким образом, важнейшим доводом в пользу введения глобального наблюдателя является событийная трактовка мира. Простейшим «элементом» мира является его состояние или событие (некое положение дел или отношение)³. Даже предельное упрощение мира (редукция к элементарному) не позволит обнаружить в основании мира нейтральные (лежащие вне определенного типа сборки) элементы, но лишь некоторое их конфигурирование. Чтобы обосновать этот тезис, можно показать, что при попытке выделения

---

³ Практически речь идет о том, что Л. Витгенштейн называл конфигурацией объектов («мир состоит из фактов, а не вещей») [2, 24]. Это положение достаточно традиционно для классической метафизики, в частности, аристотелевская онтология также отдает предпочтение изначальности фактов, а не вещей, поскольку сущности (вещи) не даны в чистом виде, но всегда доопределены оставшимися девятью категориями (качество, количество, отношение, причина, следствие и пр.). Говоря о сущности (вещи) мы также обязаны сказать что, с ней происходит и не можем отделить сущность от того как она сбывается.

элемента из конфигурации, должна быть сформирована другая конфигурация, в которой элемент будет локализован, и в действительности элементы никогда не существуют за пределами конфигураций⁴. Таким образом, самым базовым элементом мира будет некое состояние или событие, а у события, в свою очередь, должен быть формирующий его наблюдатель.

Если для констатации частного события необходима система наблюдения, то при отсутствии локального наблюдателя, требуется допустить глобального — как гаранта *определенности* события [11, 150]. Локальная неопределенность (никто не видел, кто совершил убийство), превращенная в глобальную (это неизвестно в принципе) может обернуться настоящей эпистемологической катастрофой, поскольку мы не можем допустить фактологическую неопределенность мира. Следовательно, следует ввести абсолютно информированную инстанцию наблюдения⁵, во-первых, гарантирующую определенность мира, а во-вторых, составляющую критерий локальной сверки известного с неизвестным.

---

⁴ Традиционным возражением против такого подхода может служить известный аргумент Лейбница «нет сложения без того, что складывается» [5, 143]. Я оставлю за скобками давний метафизический спор между сторонниками онтологии вещей и онтологии событий, так как рассмотрение аргументов той и другой стороны увело бы нас в сторону. Кроме того, как мне представляется, для демонстрации тех идей, о которых здесь идет речь, не столь важно к какой позиции мы примкнем (хотя в рамках онтологии событий эти идеи обосновываются гораздо нагляднее). Даже если мир состоит из вещей, а не событий, нам понадобится традиционное добавление субъекта-наблюдателя, как **автора определенности** вещи.

⁵ Термин «наблюдение» используется здесь довольно широко. Речь идет не только о тех констатациях, которые укладываются в данные опыта, но о любом знании, которое может иметь вид суждения или утверждения. Например, применение термина «наблюдение» к математическим уравнениям или законам физики будет означать попросту «знание» о них.

Строго говоря, под истиной и понимается такое положение дел, которое зарегистрировано глобальным наблюдателем. В этом смысле пределом процедуры установления истинности будет апелляция к вере (в существование глобального наблюдателя).

Если система глобального наблюдения напрямую связана с понятиями истины и факта, то отдельно нужно показать, почему событие требует причастности локального наблюдателя. Конфигурация события привязывается к наблюдателю посредством двух критериев: *1. качественного и 2. количественного ограничений.*

Под первым понимается требование наложения некоторой специальной концептуализации (способа восприятия) для того, чтобы событие состоялось. Например, настольная лампа, стоящая на столе, есть результат определенного способа восприятия, которому может быть противопоставлен другой. Лежащие в основании лампы пучки частиц и сгустки пятен, можно сконфигурировать по-другому (скажем, не в лампу, а в некое X). С точки зрения нейрофизиологии на сетчатку глаза попадают только цветные пятна и ничего больше. Вместе с тем, мы видим объемную картину, различаем границы объектов и фигур. В ходе восприятия, глаз видит не произвольные очертания, случайно соединяемые в нечто целое, но строго определенные объекты, составленные так, как если бы мы уже знали, *что* должны увидеть. Однако то, что по-настоящему видит глаз, есть гигантское собрание точек, ансамбль визуальных «пикселей», составляющих в пределе содержание увиденного. При этом ничто в перспективе созерцания не позволяет провести границы между «лампой», «столом, на котором стоит лампа», «картиной, висящей за лампой» и т.д. –. Ничто не мешает нам соединять пиксели, лежащие на сетчатку глаза другим способом, и получать другие события. Соединяя линии объектов по-новому, мы могли бы основательно

перекроить мир, и в нем встречались бы иные объекты. Например, соединив «край стола» со «спинкой кровати», можно получить такой объект X, который пока в нашей онтологии не встречался. Кроме того, восприятие наблюдателя не только структурирует реальность, но и достраивает ее до некой целостной полноты. Например, для того, чтобы увидеть в некой фигуре или объекте дом, нам нужно применить процедуру *достраивания* [4,133]. Если полагаться на один только чувственный опыт, то увидеть мы сможем немного, а главное нечто довольно-таки бессмысленное — скажем, раму и пару деревянных пристроек. Увидеть в конкретном образе «дом» нас побуждает некая виртуальная способность *мысленно* обойти его кругом с тем, чтобы ухватить как нечто цельное. Связь события с наблюдателем по критерию качественного ограничения можно показать также посредством разности восприятий: допустим, из двух нарисованных линий одному наблюдателю первая кажется длиннее второй, а другому — короче. Поскольку сама по себе линия не может быть одновременно и короткой, и длинной, то мы относим ее состояние к особенностям локального восприятия.

Разновидностью качественного ограничения при формировании события будет смысловое или ценностное конфигурирование. Идея этого принципа проста — при наложении разных смысловых или ценностных установок мы будем получать разные ряды событий или фактов [8,143]. Если задаться вопросом, что именно мы видим с точки зрения «голых» фактов, наблюдая, например, сцену «убийства Президента», то совершив некоторое усилие, мы можем заметить, что в происходящем нет ничего от «убийства», но есть лишь физические перемещения тел — это то, что можно

наблюдать непосредственно⁶. Этическое чувство, негодования или ужаса, которое при этом примешивается, строго говоря, имеет привнесенное происхождение — его природа не фактуальна. Для того чтобы увидеть в перемещении макротел событие «убийства», нужна определенная смысловая сетка, при наложении которой разнородные данные будут сконфигурированы во вполне определенное и весьма драматическое событие. В свою очередь, и сугубо физическая трактовка происходящего есть не более, чем тип конфигурации — ее возможная претензия на окончательность также была бы не обоснована. Для физики макромира и микромира реальными окажутся разные конфигурации событий, равно как событие, описанное на языке молекулярных структур, будет отлично от события, описанного на языке ценностных установок. В этом смысле понятие «чистого (нейтрального) факта» является своего рода рабочей фикцией, так как факты всегда релевантны определенным системам наблюдения. Так, если в событии покушения на Президента одни политические силы усматривают благо, а другие зло, то одной из попыток выхода из ситуации конфликтующих интерпретаций могло бы стать указание на ценностную нейтральность этого события — с точки зрения мира (или глобального наблюдения) оно ни хорошо, ни плохо, но представляет собой чистый физический факт. Физика событий, однако, также привязана к типам наблюдения, как оценочные мнения к разным системам ценностей. Потому событие может быть сконфигурировано по-другому, даже если мы имеем в виду принципиально иной (в данном случае, физический) уровень описания [10, 220].

Таковы проявления *качественного условия* конфигурирования события. Самое важное здесь то, что при

---

⁶ Я благодарна Данько С.В. за чрезвычайно важные и глубокие разъяснения в понимании это темы.

разных условиях восприятия данные могут быть сконфигурированы в разные события. Ключевым критерием этой разности будет привязка к локальному наблюдению.

Под *вторым (количественным) условием* понимается условие ограничения всего, что воспринимается тем, что выделяется в качестве события. Например, описание события парковки машины есть не все то, что происходило в определенный промежуток времени, а лишь ограниченная выборка действий, которая является количественным условием конфигурирования. В свою очередь, задача полного описания самого простого объекта или действия может оказаться практически невыполнимой для конечного наблюдателя. Что касается глобального наблюдения, то в этом случае полное описание как раз может быть достигнуто, но в этом случае нейтрализованным окажется событие. Речь идет о том, что учёт всей совокупности действий, производимых в определенный пространственно-временной промежуток, обесмысливает и сводит на нет усилия по формированию события. Строго говоря, описание действия с точки зрения континуальной непрерывности делящегося ряда микро-актов не улавливает события, но лишь регистрирует материал, из которого событие формируется. Так однопорядковый ряд микро-актов, из которого можно было бы попытаться сложить событие парковки машины, будет неизбежно распадаться, не оставив возможности собрать его в событие. Если мы намерены учесть положение находящихся рядом (с местом парковки) прохожих, их внешний вид, тему разговора, равно как количество цветов на газоне, перемещение кошки, гуляющей по газону, а также расположение предметов в соседних домах и пр. и пр. по необозримо длинному списку, то «событие» утратит свои контуры и будет рассредоточено. Кроме того, для полноты описания

следовало бы учитывать самые минимальные изменения, и тогда подобно ситуации, описанной в апориях Зенона, описание «события» никогда не только не закончится, но и не начнется. Например, пытаясь описать момент парковки, нам пришлось бы описывать, какой квадратный миллиметр колеса первым соприкоснулся с квадратным миллиметром асфальтного полотна, какой вторым и т.д. Иными словами, для глобальности наблюдения нам следовало бы учесть все детали положения Вселенной в момент парковки автомобиля. Однако это означает, что никакой парковки уже не происходит, т.к. «парковка» есть не что иное, как отграничение всей совокупности прочих актов в пользу одной выделенной выборки. То же самое будет происходить при попытке описать события с точки зрения всех регистров и уровней (от атомарного до ценностного). Синхронизация и уравнивание в событийном статусе процессов, протекающих на разных уровнях (движение протонов при химической реакции в бензобаке в процессе парковки, ощущения тела водителя и его мыслительный ряд их сопровождаемый) является своего рода деконфигурированием события, так как захватывает все измерения реальности, в то время как событие есть лишь ее отдельно взятый фрагмент. Математической иллюстрацией сказанного может служить попытка дать алгебраическое описание непрерывной линии, — «всюду плотной» в терминологии математиков. Применение языка чисел к линии означает описание ее как суммы точек ($1+2+3 + \dots + n$). Однако на этом языке мы не сможем описать непрерывность, поскольку непрерывное по определению не имеет разрывов внутри себя, сложение же любых двух элементов уже предполагает разрыв, в том месте, где производится складывание. Подобная иррелевантность, в действительности, касается любого языка, в т.ч. естественного. Например, высказывание «он одел-

ся и ушел», описывающее некоторую ситуацию описывает только некоторую часть ситуации, оно вовсе не описывает *все* то, что мы действительно видим (застегнул пальто на пять пуговиц, сделал три шага к двери, протянул руку и т.д.). Обыденный язык в силу собственной структуры, а также в силу смысловых акцентов, расставляемых наблюдателем, также дробит реальность на фрагменты, как алгебраический язык чисел.

Количественное условие конфигурирования подразумевает также хронологическое ограничение события. Поскольку события представлены во времени, их временные рамки предполагают интерпретацию наблюдателя. Например, если речь идёт об историческом событии, то проблема будет состоять в том, чтобы определить, где событие начинается и где заканчивается [13, 429–47]. Как, к примеру, следует устанавливать начало французской революции? Это одно из самых ярких исторических событий, как кажется, имеет свои временные рубежи, а именно День взятия Бастилии — так историки условились определять начало Французской революции. Однако в данном случае исследователи руководствуются конвенциональным подходом; нужно условиться, какая дата будет символизировать начало данного события. Вместе с тем, мы понимаем, что какие-то причины, зревшие исподволь и приведшие к нему, имели место и раньше. Можно сказать, что событие «французской революции» есть нечто эфемерное, если только не будут оговорены четкие смысловые и временные рамки, внутри которых оно может быть локализовано. Это, в свою очередь, оказывается возможным, когда мы выделяем одни ситуации (Взятие Бастилии), жертвуя другими⁷.

---

⁷ Например, эпизодом взятия Дома Инвалидов. Взятию Бастилии предшествовал захват так называемого Дома инвалидов, задуманного как дом призрения заслуженных армейских ветеранов. Так как по-

Событие, таким образом, будет образовано лишь при условии выборочной расстановки акцентов. В первую очередь, это связано с тем, где и как будут проложены границы. Если границы не прокладываются, но в ряду равномоощных актов существенным оказывается всё, то событие мы не получим [12, 477–96]. При этом за акцентуацию и выделение определенных действий ответственен локальный наблюдатель, чья избирательность продиктовывается непосредственно его локальностью. Он осуществляет количественную выборку действий, определяя фрагмент и уровень описательного ряда. Таковы проявления *количественного условия* конфигурирования события.

Для того, чтобы *оба эти (количественное и качественное) условия* могли быть выполнены, наблюдателю требуются *определенные основания*. Именно они, являются существенным свойством локального наблюдения. Чтобы событие было сформировано, нужно выделить одни данные и отвести в сторону другие; следует увидеть одно и не увидеть другое. Следует также иметь основания к наложению определенного каркаса ценностей или смыслов. Существование такого каркаса обеспечивает распределение интересов, приоритетов и предпочтений. При этом вся совокупность оснований приурочивается к ограниченному и относительному положению наблюдателя. «Иметь основания» означает удерживать в режиме наблюдения одни уровни, и не

встанцам требовалось дать отпор войскам, народ бросился к Дому, где хранилось оружие, и захватил десятки тысяч ружей. Его взятие оказалось непростой задачей, потребовавшей столкновения с войсками и повлекшего много жертв. Однако в арсеналах Дому инвалидов, несмотря на солидный запас оружия, не обнаружилось никакого пороха, т.к. он был заранее перевезен в Бастилию. Тогда-то огромная масса народа и ринулась к Бастилии, которую практически не пришлось «брать» — фактически это была осада, поскольку сдача крепости последовала до штурма, и нужды в штурме не оказалось. Вместе с тем именно Бастилия стала символом Французской Революции, а день взятия Бастилии стал считаться началом Французской Революции [6,156-158].

принимать во внимание другие. Таким образом, можно говорить о том, что если основания есть, наблюдение является локальным.

Тогда можно попробовать показать, что понятие глобального наблюдателя включает в себе некоторое противоречие. При внимательном анализе данное понятие оказывается некогерентным — «быть глобальным» и «быть наблюдателем» оказываются несовместимыми свойствами. Ближайшим следствием этой констатации окажется вывод о том, что абсолютных событий не существует в том смысле, что для глобального наблюдателя, как кажется, не происходит никаких событий⁸. В указанной ситуации глобальному наблюдателю пришлось бы воздерживаться от суждения, но не в скептическом смысле, а скорее в плане того, что ему нечего сказать.

В первом приближении сказанное можно обосновать следующим образом: всякая конфигурация события относительна (включает одно и исключает другое), в то время как глобальный наблюдатель должен продолжать быть наблюдателем (условие конфигурирования), но избегать относительности (условие глобальности). С одной стороны, он должен конфигурировать событие («кто стрелял в президента?»), а с другой, сделать это он может только относительно, а не абсолютно («выстрел в президента» — это точка зрения локального наблюдателя). Противоречие, таким образом, будет состоять в следующем — глобальный наблюдатель с одной стороны, должен конфигурировать событие, а с другой, сделать это он может только

---

⁸ Выходом из сложившейся ситуации может быть следующее замечание. Если для глобального наблюдателя не может быть событий, то, событием можно объявить существование самого глобального наблюдателя. Абсолютным событием в таком случае будет не то событие, которое конфигурирует ГН, а сам факт наличия ГН (как события). За данное замечание я чрезвычайно благодарна Резвых П.В., предложившего такую интерпретацию темы ГН в одной из наших бесед.

относительно, а не абсолютно (убийство — это точка зрения локального наблюдателя; так при изменении системы наблюдения фиксируемая совокупность телодвижений и состояний тел, возможно, не будет «убийством»).

Указанная трудность связана с тем, что у глобального наблюдателя, как кажется, нет оснований для того, чтобы предпочесть одно событие и отвергнуть другое — со-реализуемое. Основания даются посредством отделения существенного от несущественного, что продиктовано частными предпочтениями, особенностями перспективы видения, различиями точек зрения и т.д. Для локального наблюдателя это оказывается выполнимым благодаря погруженности в область явного и неявного. Событием в этом случае будет переход из одной области в другую. Однако в случае устранения этих различий, т.е. по сути, тотализации области явного, основания для формирования события снимаются [1, 14].

Из этого обстоятельства можно попытаться вывести два следствия. *Первое*, более радикальное, будет состоять в том, что глобальный наблюдатель вообще не может конфигурировать события, т.к. для этого ему потребовались бы основания, а они превратили бы его в локального наблюдателя. *Второе* — менее сильное, состоит в том, что даже если глобальный наблюдатель может сформировать все возможные события, на стадии воспроизведения он не сможет отделить одно от другого или, указать, какое из них имеет место на самом деле. Для этого второго случая дополнительным будет следующее предположение. Если все-таки допустить, что глобальный наблюдатель может наблюдать все события, то из этого еще не следует его способность *понимать* наблюдаемое (видимое). В той мере, в какой понимание означает логическую процедуру, а именно, *определения*, т.е. отграничения одного от другого, и *све-*

дения неизвестного к известному, оно окажется заблокированным для глобального наблюдателя в силу тотальности наблюдения (созерцания). В случае определения, т.е. прокладывания границ, отделения и отличия одного от другого, как это происходит в традиционной логической форме «это не есть то», понимание будет реализовано для локального, но не глобального наблюдателя. Это связано с тем, что при глобальном наблюдении ничто не может быть отграничено — вынесено в контекст или фон, а это стирает границы определмости. Но поскольку понято лишь то, что определено, то при снятии условий определения, понимание не может быть достигнуто. Ситуация непонимания, впрочем, будет соответствовать статусу самого события, которое становится неопределенным.

То же самое происходит при невозможности перехода от неизвестного к известному, поскольку пониманием является акт узнавания того, что ранее было неизвестно. Для того, чтобы понимание состоялось, следует уметь отличить ситуацию знания от ситуации незнания, в противном случае знание может быть, но понимание будет отсутствовать. При глобальном наблюдении переход от неизвестного к известному исключен, т.к. глобальное наблюдение не предполагает лакун незнания. Речь идет о разовой и полномасштабной предъявленности всей совокупности данных, не оставляющей места для совершающихся актов понимания.

Итак, поскольку понимание является существенной чертой субъектной основы наблюдения, приходится говорить о трудности совмещения качеств «быть глобальным» и «быть наблюдателем».

В связи с этим можно еще раз спросить: почему требуется связывать глобальное наблюдение с наблюдателем? Нельзя ли объявить глобальное наблюдение сугубо бессубъектным мероприятием? Ответ состоит в

том, что это можно и, в некотором смысле, нужно сделать, однако, проблематичность этого решения состоит в утрате событийной и, строго говоря, определенной конфигурированности мира. Если мир есть, то он должен быть определен (он должен быть *каким-то*) и должен состоять из событий. Однако определенность предполагает ограниченность и, следовательно, локальное конфигурирование. Нечто определенное имеет место в том случае, если не имеет места иное. Если же происходит все сразу, то, строго говоря, ничего не происходит.

Тогда можно заключить, что всякое *событие нереально* (т.к. без локального наблюдателя нет предмета или события, а только предположительное облако частиц, которое в свою очередь тоже должно быть конфигурацией), а *реальность бессобытийна* (без локального наблюдения она остается лишенной определенности)⁹. Мысля истинное положение дел, мы невольно допускаем того, кто наблюдает реальное событие («как и кем совершается убийство»), но если глобальный наблюдатель существует, то, как кажется, он ничего не может наблюдать. Факт убийства будет существовать только для локального наблюдателя, но не для глобального, т.к. если бы последний наблюдал убийство, то стал бы локален. Получается, что если глобальный наблюдатель и существует, то он не наблюдает «убийства», но скорее пребывает в мире, который Демокрит описывал с помощью своих знаменитых «атомов и пустоты»¹⁰, имея в виду принципиальную неструктурированность и неконфигурированность изначальной данности мира. «Атомы и пустота», впрочем, означают, своего рода, минимальную степень конфигурации

---

⁹ Я очень признательна Мацкевичу А.Е., впервые предложившему эту весьма наглядную формулу для передачи тех содержаний, которые я пытаюсь здесь высказать.

¹⁰ «По истине, есть только атомы и пустота» [7, 146].

мира и потому при должной последовательности «атомарность» может быть отброшена в пользу чистой пустоты.

Классическая метафизика учит нас тому, что реальность должна быть не зависима от интерпретаций наблюдателя¹¹. Освободившись же от них, она утрачивает какую-либо определенность и потому если и существует, то является «никакой». В свою очередь, событие нереально, т.к. обязано своим существованием фигуре наблюдателя. За пределами всех накладываемых конфигураций, реальность предстает неопределимой и внесобытийной, что могло бы означать попросту то, что в ней ничего не происходит. Вне локальных конфигураций мир дан самому себе как чистое ничто [11, 178-180]. Отсюда можно предположить, что если бы мы когда-нибудь могли встать на место глобального наблюдателя и посмотреть на мир его глазами — возможно, мы поразились бы тому, что ничего не видим.

Подобная трактовка несколько расходится с традиционным представлением о глобальном наблюдателе. Его классическое описание хорошо известно и восходит отчасти к античной, но в большей степени к христианской метафизике. Согласно традиционному представлению о глобальном наблюдателе (Боге¹²), он есть тот, кто в силу своей особы (глобальности)

---

¹¹ Таково традиционное определение сущности в его отличии от явления. Сущность есть то, что не обязано своим существованием ничему кроме самой себя (сущность ничем не обусловлена); явление, напротив, есть то, что своим существованием обязано чему-то другому (существование явления обусловлено).

¹² Если прибегнуть к христианской терминологии, то можно пояснить суть рассматриваемого здесь парадокса наиболее просто и наглядно: тварный мир лежит во грехе, человек тварен (грешен) и в силу своей первородной грешности всегда видит мир с примесью искажения. Тогда возникает вопрос, может ли Бог, как лишенное греха существо, увидеть то же, что видит человек? Если да, то он тоже грешен, но если он не грешен, то, он не может этого видеть и, следовательно, не является глобальным наблюдателем.

удерживает в качестве равномогущих все возможные конфигурации. Здесь, впрочем, открывается ряд трудностей. Во-первых, как мы уже говорили выше, если два взаимоисключающих качества предцируются одному объекту, мы обязаны констатировать нейтральность объекта по отношению к этим качествам. Исключающие друг друга конфигурации не могут быть совмещены в единое положение дел. Во-вторых, несмотря на то, что глобальный наблюдатель мыслится уникальным в силу своей способности удерживать все возможные конфигурации, качество уникальности не позволяет избежать парадоксов формирования самих конфигураций уже на первом шаге. Парадоксальность заключается в том, что сам глобальный наблюдатель не в состоянии образовать событие — для этого ему потребовалось бы стать на время локальным. Таким образом, уникальность глобального наблюдателя, если мы все-таки хотим избежать откровенных противоречий, состоит не в самостоятельной способности к множественному конфигурированию, но скорее в удержании многообразия прочих, не им сформированных, локальных наблюдений. Однако проблемы сохраняются и здесь. Поскольку глобальный наблюдатель вводится как инстанция удостоверения истинного положения дел, то мы ожидаем от него одной приоритетной констатации. Но если на вопрос: «что же произошло на самом деле?», он лишь предъявляет равномогущие конфигурации локальных наблюдателей, его глобальность приобретает избыточно нейтральный статус. В этом случае, глобальный наблюдатель действительно наблюдает целый спектр событий, однако абсолютно рядоположенных в силу неприсущности оснований. И тогда, явившись на гипотетический суд и отвечая на вопрос о возможном убийстве, глобальный наблюдатель скажет, что видел «взаимодействие электрических частиц и полей», «перемещение положений макро-

тел», «убийство» и т.д. по необозримо длительному списку. Однако, в случае простого перечисления, свидетельские показания глобального наблюдателя могут оказаться несколько бесполезными. Если же он готов сделать выбор в пользу одной версии, а не другой, ему придется перестать быть глобальным наблюдателем и превратиться в локального.

Но тогда свидетельские показания глобального наблюдателя окажутся лишёнными искомого смысла. Апелляция к глобальному наблюдателю, как гаранту истины, возможно, не даст ожидаемого представления об истинном положении дел. Можно предположить, что его появление в суде к огромному разочарованию присутствующих, не даст никакого прояснения того, кто же все-таки убил президента Кеннеди.

Между тем, парадокс, от которого крайне сложно избавиться, будет состоять, вероятно, в том, что мы не можем мыслить истину без глобального наблюдателя, но глобального наблюдателя мы тоже мыслить не можем. В определённом смысле, мыслить истину так, как мы привыкли, не получится, если только не ввести опыт веры в существование глобального наблюдателя.

Список литературы:

1. *Бадью А.* Бытие и событие. [Электронный ресурс] URL: http://www.artinfo.ru/ru/news/main/Alain_Badiou-manifeste_pour_la_philosophie.htm (дата обращения: 20.08.2012).
2. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. Добронравова и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В. Ф. — М.: Наука, 2009.
3. *Гарднер М.* Почему я не солипсист. [Электронный ресурс]

URL: http://samlib.ru/k/koncheew/g_asolip.shtml/

(дата обращения: 16.08.2012).

4. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В. И. Молчанова. – М.: [Академический проект](#), 2010.
5. Лейбниц Г. В. [Сочинения](#), в четырёх томах. Серия: Философское наследие. М.: Мысль. Том 1. Метафизика. «Монадология». [1982](#). – 636 стр.
6. [Минье Ф.](#) История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М., 2006.
7. Фрагменты ранних греческих философов. Атомизм. Демокрит. Фрагменты (в пер. С.Я.Лурье). М., 1989.
8. *Bennett, J.* (1996) 'What Events Are', in *Events*.
9. *Brentano, F.* (1966) *The True and the Evident*, transl. by Roderick Chisholm, Ilse Politzer, and Kurt Fischer. London: Routledge.
10. *Davidson, D.* (1969) 'The Individuation of Events', in N. Rescher (ed.), *Essays in Honor of Carl G. Hempel*, Dordrecht: Reidel, pp. 216–34.
11. *Frank, L. Richmond* (2009). *The Ultimate Observer: Quantum Physics and God*. CreateSpace Independent Publishing Platform.
12. *Gill, K.* (1993) 'On the Metaphysical Distinction Between Processes and Events', *Events*.
13. *Hacker, P. M. S.*, (1982), 'Events and Objects in Space and Time', *Events*.
14. *Lombard, L. B.* (1986), *Events: a Metaphysical Study*, London: Routledge and Kegan Paul.

Об авторе

Гаспарян Диана Эдиковна – кандидат философских наук, доктор филологических наук, доцент ка-

федры онтологии, логики и теории познания философского факультета Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики», г. Москва, anaid6@yandex.ru.

About author

Dr. Gasparyan Diana Edikovna, Assistant Professor, Department of Ontology, Logic and Theory of Cognition, Higher School of Economics - National Research University, koptsev42@yandex.ru.